

О.В. Волобуев занимается изучением жизни и научного творчества историка, политического и общественного деятеля Н.А. Рожкова (1868–1927) на протяжении многих десятилетий. В значительной степени вышедшая книга является подведением итогов скрупулёзной работы над реконструкцией жизненного пути и исторической концепции одного из самых крупных и оригинальных русских учёных-гуманитариев. По замыслу автора, исследование состоит из трёх составляющих: биографии историка, рассмотрения его научных взглядов и, наконец, анализа эвристического потенциала сравнительно-исторических изысканий Рожкова. Научная, педагогическая и общественно-политическая деятельность учёного восстанавливается на основе солидной источниковой базы. Здесь и опубликованные источники, и многочисленные архивные документы, большинство из которых вводятся в научный оборот впервые.

Волобуев выделяет в жизни Рожкова три периода: 1890-е гг. – начало XX в., время активной научной и педагогической работы; 1905–1917 гг. – период, когда политическая деятельность отодвинула всё остальное на задний план; 1918–1927 гг. – годы вынужденного сотрудничества с советской властью и труда над итоговой фундаментальной 12-томной «Русской историей в сравнительно-историческом освещении».

Первый период освещён относительно не бегло. Описываются юношеские годы историка, становление его личности, время учёбы на историко-филологическом факультете Московского университета, где огромное влияние на него оказал В.О. Ключевский. К сожалению, оказался незатронутым вопрос о месте Рожкова в московской исторической школе, что было бы тем более интересно, учитывая, что само существование школы до сих пор продолжает оставаться дискуссионным. Большое внимание в книге уделено педагогической работе учёного. Рассматривается его участие в Педагогическом обществе при Московском университете,

преподавание в различных высших и средних учебных заведениях Москвы. Подчёркивается, что Рожков придерживался реформаторских взглядов на преподавание истории, настойчиво проводя идею приоритета экономического фактора при освещении процессов и событий прошлого и ратуя за переход школы на лабораторную систему. Ещё одним важным направлением его деятельности стали публичные чтения и лекции на учительских курсах, которые были прочитаны во многих городах Российской империи. Автор монографии наглядно показывает тесную связь педагогических взглядов историка и его политических предпочтений. Факты и оценки, предложенные в данном разделе, представляют несомненный интерес и для изучения истории отечественного образования начала XX в.

Второй период жизни Рожкова (1905–1917) оказался предельно насыщен событиями. Волобуев впервые в историографии обстоятельно показывает участие историка в политической борьбе того времени, анализирует причины, по которым он примкнул к большевикам. При этом подчёркивается, что Рожков имел заметные расхождения во взглядах с лидерами партии, в частности с В.И. Лениным (например, на аграрный вопрос, на перспективы революции и т.д.). Активная политическая позиция не прошла для него даром: 1908–1916 гг. историк провёл в ссылке в Сибири, где сконцентрировался на научной работе. В это время, как показано в монографии, происходит его отход от большевиков, что проявилось не только в общественно-политических, но и в мировоззренческих и научных вопросах. Анализ политической деятельности и взглядов Рожкова в этот период позволили Волобуеву сделать важный вывод о том, что «традиционное представление о двухполюсном характере этого движения (большевики-меньшевики)... требует пересмотра». С точки зрения автора, «между большевиками и меньшевиками было постоянно меняющееся контуры мозаичное политическое поле, включающее различ-

ные группировки... и ряд внефракционных индивидуальных социал-демократов» (с. 62). Данный постулат позволил исследователю пересмотреть традиционную периодизацию политической деятельности Рожкова с обозначением в ней большевистского и меньшевистского этапов. Он обоснованно считает возможным выделить время с 1911 г. по август 1917 г., когда историк занимает позицию внефракционного социал-демократа.

События 1917 г. властно втягивают Рожкова в свой круговорот: он возвращается в Москву, становится одним из лидеров «объединенцев», сотрудничает с Временным правительством, наконец, примыкает к меньшевикам. Автор выделяет три периода в деятельности историка в 1917 г.: первый – с марта до середины мая, «когда он является одним из лидеров московских объединенцев, членом лекторской социал-демократической группы, одним из организаторов и активных авторов газеты “Пролетарий”» (с. 84); второй – с конца мая до августа – время участия в коалиционном Временном правительстве, из которого он уходит из-за разочарования в возможности союза с кадетами; третий, август–октябрь, – меньшевистский.

Октябрьскую революцию Рожков встретил критически. В книге блестяще показана, в том числе и на основании новых архивных материалов, система взглядов историка на проходящие события. Опираясь на исторический опыт, учёный разработал прогностическую концепцию революционной динамики, считая, что на смену революции неизбежно придёт реакция. В связи с этим он призывал Ленина установить личную диктатуру. На этой почве произошёл его разрыв с меньшевиками.

С 1918 г. начался новый период жизни Рожкова, насыщенный педагогическим и научным трудом. Интенсивную и плодотворную работу не останавливали даже частые аресты. Волобуев пишет: «Рожков вынужденно делает выбор: он отказывается от активного участия в политической жизни и решает отныне посвятить себя только исторической науке и преподавательской... деятельности» (с. 122). Тем не менее между ним и большевиками остался барьер, преодолеть который не позволяли

фундаментальные разногласия во взглядах на будущее революции и страны. Рожков считал, что Россия не готова к форсированному построению социализма, ей ещё необходимо пройти фазу «культурного капитализма». В качестве подэтапа в его жизни выделяется время с 1923 по 1927 г., ознаменовавшееся псковской ссылкой и возвращением в Москву после смерти Ленина. Затем Рожков сразу же включился в активную научно-организационную и преподавательскую работу. Напряжённый труд подорвал здоровье учёного, скончавшегося в ночь со 2 на 3 февраля 1927 г. в возрасте 58 лет.

Волобуев считает, что «в мировоззрении Рожкова как личности был заложен демократический по своей исходной сущности радикализм, присущий общественной позиции значительной части русской интеллигенции того времени» (с. 294). Этот радикализм толкал к активной политической деятельности. Тем не менее, по мысли автора, Рожков не был политиком по призванию, скорее «он им стал по долгу». В более спокойное время он, вероятнее всего, сделал бы блестящую университетскую карьеру.

Во второй части монографии представлен обстоятельный анализ исторических взглядов учёного. Автор исследования тщательно, с учётом различных нюансов и оттенков описывает и анализирует построения своего героя. В центре внимания оказывается историко-социологическая концепция Рожкова, рассматриваемая на широком историографическом фоне. Развитие взглядов историка прослеживается от работ начала XX в. до фундаментальной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении». Для восстановления целостной картины представлений Рожкова об историческом процессе были привлечены и его неопубликованные труды, в частности, «История народного хозяйства и рабочего движения от первобытных времён до наших дней». Волобуев вычленил важнейшие составные части концепции Рожкова: экономический монизм, сравнительно-исторический метод, деление истории на органические и критические периоды, теорию общественных типов, теорию торгового капитализма.

Автор сумел показать многообразие идей и теорий, которые оказали влияние на научное мировоззрение историка (марксизм, позитивизм, психологическая школа в социологии, государственная школа, московская историческая школа, и т.д.). При этом в книге последовательно проводится мысль, что Рожкова нельзя считать, как это делалось ранее, эклектиком в теоретико-методологическом плане. Подчёркивается, что в его взглядах органично сочетались элементы различных теорий. На основе этих наблюдений Волобуев делает вывод, что концепция Рожкова «представляла собой оригинальное историографическое явление, отразившее поиски синтеза новых для того времени методологических подходов к пониманию процессов общественного развития» (с. 304). Не мог исследователь пройти и мимо вопроса о месте марксизма во взглядах историка. Спор о том, был ли Рожков марксистом или нет, продолжается уже давно. С точки зрения Волобуева, марксизм в мировоззрении учёного легко уживался с позитивизмом, что объяснялось ещё и тем, что у этих двух направлений научной мысли было много точек соприкосновения.

Несмотря на склонность к теоретизированию, в своих построениях Рожков старался оставаться на прочном основании фактического материала. Однако

нередко возникало противоречие между желанием историка объяснить многообразие явлений через призму своей схемы и добросовестностью «зрудита и любящего факты историка» (с. 215). К сожалению, недостаточно подробно разбирается фундаментальная монография «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке». Между тем, если широкомасштабные теории историка основательно подзабыты и многими рассматриваются сугубо историографически, то его конкретно-историческое исследование до сих пор пользуется заслуженным авторитетом.

О.В. Волобуев подчёркивает, что во многом построения Рожкова соответствуют современной научно-исторической картине прошлого. Он подробно останавливается на знаменитой теории психических типов, считая, что наработки историка «должны занять видное место в историографии социальной психологии» (с. 291). В целом монография позволяет полнее представить развитие отечественной исторической науки и общественно-политической жизни в конце XIX и первые десятилетия XX в. Без сомнения, она будет способствовать популяризации идеи Н.А. Рожкова среди современных историков, поможет выявить те потенциально плодотворные подходы и теории, которыми изобиловало его научное творчество.

В.В. Тихонов

Русистика Руслана Скрынникова. Сборник статей памяти профессора Р.Г. Скрынникова в честь его 80-летия / Под ред. Д. Свака и И.О. Тюменцева. Будапешт; Волгоград, 2011. 288 с.

Рецензируемая книга, выпущенная в память Р.Г. Скрынникова, является пятым по счёту сборником статей в его честь, начиная с 1993 г., что количественно сопоставимо лишь с изданиями, посвящёнными Л.В. Черепнину и А.А. Зимину. Очевидно, что вклад этих представителей советской исторической науки в изучение истории нашей страны не может быть переоценён и по-прежнему привлекает внимание исследователей.

Сборник открывается статьёй Д. Свака, предпринявшего попытку рекон-

струировать творческую биографию Р.Г. Скрынникова в контексте развития советской исторической науки последней трети XX в. В работе основоположника школы венгерской русистики помимо основательной проработки проблемного горизонта, в котором работал его учитель, присутствует ряд точных наблюдений, характеризующих его, например, как «медитативную личность» (с. 14). В очерке Свака Скрынников предстаёт неким «безмолвным борцом» с системой, а творческий заряд исследователя оказы-